

Александр Восьмой

**Спецназ:
Последний
патруль**

Александр Восьмой

Спецназ: Последний патруль

«Автор»

2026

Восьмой А.

Спецназ: Последний патруль / А. Восьмой — «Автор», 2026

Последний патруль. Военная часть держит оборону в мёртвом городе, где улицы шепчут голосами павших. Лейтенант, потерявший весь отряд, должен провести разведку через зону, где техника глохнет, а тени двигаются не по ветру. Каждый шаг — проверка на человечность, каждый приказ — шаг к безумию. Гарнизон. Через трое суток после ухода Ковригина радиостанция принимает сигнал. Голос лейтенанта — спокойный, ясный, как будто он сидит в соседней комнате. Он диктует координаты. Он говорит, что коридор открыт. Что шоссе свободно. Что нужно уходить. Сейчас. Немедленно. Всему составу. Он говорит: «Не оборачивайтесь». Последняя фраза, прежде чем связь обрывается: «Я остаюсь. Я ещё нужен здесь. Городу нужен кто-то, кто помнит, как быть человеком». Дневник Ковригина найдут через год, в развалинах части. Последняя запись — от руки, но почерк не его. Почерк принадлежит капитану Логвинову, погибшему 3 сентября.

Александр Восьмой

Спецназ: Последний патруль

Глава 1. Мёртвый город просыпается

Первый день обороны тянулся, как ржавая цепь, звено за звеном, царапая нервы до крови. Радиомолчание давило на виски, будто город накрыл невидимый купол, высасывающий не только сигналы, но и саму надежду. Техника глохла на подъезде к восточному кварталу — двигатели замолкали, словно им нечем было дышать, а аккумуляторы теряли заряд за считанные секунды, будто кто-то или что-то выпивало из них жизнь.

Лейтенант Ковригин стоял у разбитой арки бывшей мэрии, вглядываясь в серую пелену тумана, стелющегося по брусчатке. В его глазах отражались не руины, а призраки прошлого: лица бойцов, которых он вёл сюда ещё вчера — живых, дерзких, готовых спорить с самой смертью. Теперь их голоса звучали только в памяти, а город будто впитывал эти воспоминания, чтобы потом шептать ими в темноте.

— «Восток чист», — докладывал радист ещё утром, пока рация не захлебнулась треском помех. — «Ни движения, ни следов».

Теперь Ковригин знал: тишина здесь — не отсутствие звука, а его искажение. Она была густой, маслянистой, пропитывающей воздух, как запах гари после пожара, который никак не догорит.

Он обернулся к тем, кто остался. Одиннадцать человек — всё, что осталось от гарнизона. Четыре стены старого штаба и тишина, которая была громче любой артиллерии. В глазах бойцов читался вопрос, который никто не решался задать вслух: «Сколько мы продержимся?»

— Слушай сюда, — голос Ковригина прозвучал твёрже, чем он сам себя чувствовал. — Восток — наш единственный шанс на разведку. Если там есть проход, мы должны его найти. Если нет — значит, будем держать оборону здесь, пока не придёт подкрепление... или пока не закончится воздух.

Сержант Мохов, седой и жилистый, как старый канат, шагнул вперёд. Его пальцы сжимали приклад автомата так, будто это был единственный якорь в этом плывущем мире.

— Лейтенант, — хрипло произнёс он, — в этом городе даже тени двигаются не по ветру. Вы уверены, что нам стоит туда лезть?

Ковригин не ответил сразу. Он снова посмотрел на восток, где туман сгустился в плотные клубы, скрывая очертания домов, будто город стёр эту часть карты.

— Нет, — наконец признался он. — Не уверен. Но сидеть и ждать — значит позволить этому месту съесть нас изнутри. Мы пойдём. И мы вернёмся.

Группа из пяти бойцов, включая Мохова, двинулась вперёд, растворяясь в молочной дымке, словно их поглощала сама пустота. Ковригин остался у арки, чувствуя, как холод пробирается под бронежилет, цепляясь за рёбра ледяными пальцами.

И тут тишину разорвал звук — не выстрел, не взрыв, а что-то древнее, первобытное. Скрип ржавых петель, будто распахнулись ворота в иной мир. Из тумана вынырнула фигура — не человек, не зверь, а искажённый силуэт, сотканный из теней и обрывочных воспоминаний. Он двигался неестественно, дёргано, как марионетка, чьи нити рвались и сплетались заново.

— Огонь! — рявкнул Ковригин, но его приказ утонул в странном гуле, который нарастал вокруг, заглушая даже стук собственного сердца.

Пули уходили в туман, не находя цели, а тень лишь склоняла голову, словно прислушиваясь к чему-то, недоступному человеческому уху. И тогда Ковригин понял: здесь оружие было бессильно. Здесь сражались не пулями, а волей, не силой, а памятью о том, кем ты был до того, как этот город забрал твой голос.

Тень сделала шаг вперёд, и в этот миг из тумана донёсся голос — не чей-то конкретный, а хор из десятков голосов, знакомых и чужих, живых и мёртвых:

— Ты не уйдёшь... Ты теперь часть города...

Ковригин стиснул зубы, чувствуя, как страх царапает изнутри, пытаясь вырваться криком. Но он не закричал. Вместо этого он шагнул навстречу тени, выставив вперёд не автомат, а руку — жест, который мог быть угрозой, а мог быть попыткой коснуться чего-то настоящего в этом нереальном мире.

— Я ещё здесь, — прошептал он, и его слова прозвучали как вызов. — И я не позволю этому месту забрать меня.

Туман вздрогнул, будто от боли, и тень рассыпалась на тысячи искр, которые тут же поглотила серая мгла. На мгновение стало тихо — по-настоящему тихо, без зловещего шёпота, без гула, без голосов. И в этой тишине Ковригин услышал то, что искал: далёкий, едва уловимый треск рации.

— ...приём... Ковригин, ты меня слышишь?... — голос из динамика был искажён помехами, но в нём была жизнь. — Мы на подходе... Держитесь...

Лейтенант сжал рацию так, что побелели костяшки пальцев. Он не знал, сколько правды было в этих словах, сколько иллюзии. Но сейчас ему было достаточно того, что кто-то ещё помнил, что они существуют.

— Слышу, — прохрипел он в микрофон, и его голос прозвучал неожиданно громко в этой оглушающей тишине. — Мы держимся. И мы ждём.

Город снова вздохнул, и туман начал медленно отступать, обнажая руины, покрытые инеем, будто мороз пытался вытравить из этого места всю нечисть. Но Ковригин знал: это лишь передышка. Мёртвый город проснулся, и теперь он хотел играть по своим правилам.

А лейтенант был готов ответить на этот вызов — не потому, что верил в победу, а потому, что не мог позволить себе поверить в поражение.

Глава 2. Голоса в проводах

Ночь накрыла мёртвый город плотной, непроглядной тьмой — такой, что даже звёзды будто прятались от этого места. В казарме было тихо, но тишина эта не была мирной: она звенела, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. В углу, на шатком столе, стоял старый полевой телефон — ржавый, с облупившейся краской, но всё ещё живой. Его трубка лежала на рычагах, словно ждала своего часа.

Сержант Зуев не спал. Он сидел напротив аппарата, обхватив колени руками, и смотрел на него так, будто перед ним была не техника, а ворота в иной мир. Его пальцы подрагивали, а в глазах застыл тот самый взгляд, который появляется у человека, когда он начинает слышать то, чего слышать не должен.

В гарнизоне уже шептались: город разговаривает. Не словами, не криками — шёпотом, треском, эхом чужих голосов, застрявших в проводах, в стенах, в самом воздухе. Но Зуев отказывался верить. До этой ночи.

Резкий, пронзительный звонок разорвал тишину, будто нож вспорол плотную ткань мрака. Зуев вздрогнул, но не пошевелился. Казалось, он боялся подтвердить то, что уже знал: это не обычный вызов. Таких вызовов здесь больше не бывает.

Звонок не умолкал. Он звенел настойчиво, зло, будто кто-то на том конце провода отчаянно хотел быть услышанным. Зуев медленно протянул руку, пальцы замерли в сантиметре от трубки.

«Не бери», — прошептал кто-то из темноты. Это был рядовой Петров, забившийся в дальний угол, где тени были гуще. Но Зуев его не слышал — или делал вид, что не слышит.

Он схватил трубку.

— Алло... — его голос прозвучал хрипло, почти чужим.

Тишина в трубке длилась лишь мгновение — и вдруг её разорвал шёпот. Тихий, но отчётливый, пробирающий до костей.

— Зуев... Ты слышишь меня? Это я... Я здесь... Открой ворота...

Сержант побледнел. Он узнал этот голос. Это был голос капитана Орлова — того самого, что неделю назад повёл группу в восточный квартал и не вернулся. Того, чьи останки нашли на третий день: истерзанные, словно не пулями, а чем-то иным, чем-то, что не оставляет следов на металле, но выжигает душу.

— Капитан... — прошептал Зуев, и в его голосе прозвучала надежда, смешанная с ужасом. — Это правда вы?

— Да... Открой ворота... Мы не можем войти... Нас не пускают...

Зуев вскочил, едва не опрокинув стол. Его глаза расширились, зрачки поглотили радужку, превратив взгляд в чёрные бездонные дыры.

— Где вы?! — крикнул он, и этот крик эхом прокатился по казарме, заставив остальных бойцов вжаться в стены. — Я открою! Я всё открою!

— Мы здесь... совсем рядом... Открой...

Голос становился всё громче, всё настойчивее, и теперь в нём слышались другие голоса — десятки, сотни голосов, сливающихся в единый, невыносимый хор. Знакомые и чужие, живые и мёртвые, они звали по именам, умоляли, требовали, обвиняли.

— Не слушай! — рядовой Петров бросился к Зуеву, пытаясь вырвать у него трубку. — Это не они! Это город! Он играет с нами!

Но сержант оттолкнул его с неожиданной силой. Его лицо исказилось, черты стали резкими, чужими, будто под кожей шевелилась другая сущность.

— Они ждут! — закричал Зуев. — Они не могут войти! Я должен их впустить!

Он метнулся к выходу, на ходу хватая бронежилет и автомат. Его движения были резкими, дёргаными, как у марионетки, чьи нити натянуты до предела.

— Стой! — лейтенант Ковригин ворвался в казарму, его лицо было мрачным, а взгляд — стальным. — Зуев! Брось оружие! Положи трубку!

Но Зуев уже не слышал. Он застыл у двери, прижимая трубку к уху, и шептал что-то неразборчивое, кивая в такт голосам, которых никто больше не слышал.

— Они говорят... они говорят, что мы предали их... что оставили умирать... что должны испить...

Ковригин шагнул вперёд, медленно, осторожно, будто приближался к раненому зверю.

— Сержант, посмотри на меня. Это не они. Это... аномалия. Это город вытягивает из тебя самое страшное, самое горькое. Не дай ему победить.

Зуев повернул голову. Его глаза были пустыми, безжизненными, но в них горел безумный огонь.

— Ты не понимаешь, лейтенант, — прошептал он. — Они здесь. Они ждут. И я должен их впустить.

С этими словами он распахнул дверь. Холодный ночной воздух ворвался внутрь, принося с собой запах гари и чего-то ещё — чего-то древнего, затхлого, словно дыхание самой смерти.

Зуев шагнул наружу, не оглядываясь. Его фигура растворилась в темноте, слившись с тенями, которые здесь двигались не по ветру, а по своей, зловещей воле.

Ковригин бросился за ним, но у порога замер. Перед ним, прямо на бетонном полу, лежала трубка полевого телефона. Она всё ещё издавала тихий, монотонный гудок — будто кто-то на том конце провода продолжал ждать ответа.

Лейтенант поднял трубку. В ней уже не было голосов. Только тишина — тяжёлая, вязкая, пропитанная чужим отчаянием.

К утру Зуев исчез из казармы. Вместе с ним пропали его бронежилет, автомат и половина боекомплекта. На столе осталась записка, написанная дрожащей рукой: «Они ждут. Я должен их впустить».

Ковригин сжал листок так сильно, что бумага захрустела. Он знал: это только начало. Город не просто забирал людей — он превращал их в своих вестников, в проводников своего безумия. И теперь лейтенанту предстояло сделать выбор: продолжать держать оборону, рискуя потерять каждого бойца по очереди, или рискнуть всем и прорваться сквозь эту мёртвую зону, пока город не поглотил их окончательно.

За окном первые лучи рассвета коснулись руин, окрасив их в кроваво-красный цвет. Мёртвый город не спал — он наблюдал, выжидал, готовился к следующему ходу. И Ковригин чувствовал на себе его взгляд — холодный, безжалостный, бесконечно древний.

Глава 3. Зона тишины

Серый рассвет лёг на руины мёртвого города, будто пыль, осевшая на кости давно погибшего зверя. Воздух был неподвижен — ни ветра, ни шороха, только тяжёлая, неестественная тишина, в которой каждый вдох звучал как крик.

Разведгруппа из трёх человек вышла из ворот части ровно в шесть ноль-ноль. Лейтенант Ковригин смотрел им вслед, сжимая в руке рацию, словно это был амулет, способный удержать бойцов в реальности. Старший сержант Ветров, рядовой Костин и ефрейтор Пахомов — три тени, растворяющиеся в утреннем мареве. Их задача была простой на бумаге и невозможной в этом городе: пройти на восток, проверить, есть ли проход к блокпосту «Рубеж», и вернуться с докладом.

Первые двести метров дались тяжело, но привычно: хруст битого стекла под ботинками, скрип ржавых конструкций, настороженные взгляды по сторонам. Но стоило стрелкам миновать полуразрушенный торговый центр, как рация в руке Ветрова вдруг захлебнулась белым шумом — не треском, не помехами, а глухой, вязкой пустотой, будто кто-то выключил сам эфир.

— Проверка связи, — прохрипел Ветров, нажимая тангенту. — «База», приём.

Тишина. Не молчание — именно тишина, плотная, осязаемая, словно воздух стал ватой, поглощающей все звуки.

— Приём, «База»! — уже громче, почти с вызовом.

В ответ — только монотонный гул, похожий на дыхание чего-то огромного и спящего.

Ветров переглянулся с Костиным. В его глазах читался не страх — пока ещё только тревога, привычная, солдатская: когда знаешь, что что-то не так, но ещё веришь, что сможешь это исправить.

Ещё через сто метров стрелки заметили первое настоящее искажение. Асфальт под ногами будто поплыл, и вдруг Костин резко остановился, тыча пальцем в землю.

— Смотрите... — его голос дрожал. — Это... это же наши следы. Впереди.

Они стояли на перекрёстке, глядя на цепочку отпечатков ботинок, уходящих вперёд — и одновременно на свежие следы, только что оставленные ими самими. Но впереди, метрах в тридцати, те же самые отпечатки повторялись, будто они уже прошли этот путь... и вернулись. Или будто кто-то скопировал их шаги.

— Это оптическая иллюзия, — буркнул Ветров, но в его голосе не было уверенности. — Просто игра света. Идём дальше.

Но чем дальше они шли, тем сильнее город искажал реальность. Тени на стенах двигались не в такт солнцу — они скользили, изгибались, принимали очертания фигур, которых здесь не могло быть. Пахомов несколько раз оборачивался, будто чувствовал взгляд в спину, но каждый раз за ним была только пустота.

На отметке в четыреста метров случилось то, что навсегда изменило их восприятие этого места.

Пахомов, шедший замыкающим, вдруг резко остановился и тихо выругался.

— Ребята... где Костин?

Ветров обернулся. Костин стоял рядом с ним, тяжело дыша и вытирая пот со лба.

— Я здесь, — пробормотал он. — Что за бред?

— Нет, — Пахомов мотал головой, его пальцы судорожно сжимали ремень автомата. — Я только что видел, как он свернул в переулок. Я крикнул ему, а он... он не обернулся. Просто ушёл.

Костин посмотрел на него, потом на Ветрова. Его лицо побелело.

— Я никуда не сворачивал. Я всё время шёл за вами.

Пахомов замер, будто пытаясь удержать в голове две несовместимые реальности. Его взгляд метался между Костиным и тёмным проёмом переулка, где сгущалась тень, слишком густая для этого времени суток.

— Он был там, — прошептал Пахомов. — Я видел. Я слышал, как хрустнул камень под его ногой.

— Спокойно, — рявкнул Ветров, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Возможно, это... эхо. Или галлюцинация. Нам нужно двигаться.

Но Пахомов уже не слушал. Он шагнул к переулку, вытянув руку, будто хотел схватить то, что ускользало от понимания.

— Костин! — крикнул он в темноту. — Если ты там, ответь!

Из переулка не донеслось ни звука. Только тишина, которая теперь казалась насмешливой.

И вдруг Пахомов замер. Его плечи опустились, а рука бессильно упала.

— Я... я не помню, — прошептал он, глядя на Ветрова с ужасом. — Я не помню, куда он делся. Я помню, что он был рядом... а потом... потом я просто понял, что его нет. Как будто кто-то стёр его из моей памяти.

Ветров схватил его за плечи, встряхнул.

— Соберись! Мы возвращаемся. Сейчас же.

Они развернулись и пошли назад, но теперь каждый шаг давался тяжелее, будто город сопротивлялся, тянул их вглубь, не желая отпускать. Тени на стенах теперь не просто двигались — они тянулись к ним, словно пытаясь коснуться, оставить след.

Когда группа наконец вышла к воротам части, их встретили настороженные взгляды бойцов и мрачный, тяжёлый взгляд лейтенанта Ковригина.

— Где Пахомов? — спросил он, хотя уже знал ответ.

Ветров стоял, тяжело дыша, его пальцы всё ещё сжимали приклад автомата, будто это был единственный якорь в плывущем мире.

— Мы... мы не знаем, — прохрипел он. — Он был с нами... а потом просто исчез. Я не помню, как это случилось.

Ковригин посмотрел на него долго, пристально, будто пытался прочитать в его глазах то, что не мог произнести вслух.

— Ты ничего не помнишь? — уточнил он тихо.

— Только обрывки, — пробормотал Ветров. — Как будто кто-то провёл тряпкой по моим воспоминаниям. Остались только пятна.

Лейтенант медленно кивнул. Он уже не удивлялся. Этот город не просто убивал — он стирал. Стирал людей, их следы, их голоса, их память о них.

Он обернулся к руинам, к серым стенам, к теням, которые теперь казались живыми. Мёртвый город проснулся — и теперь играл по своим правилам. Он не хотел, чтобы кто-то

ушёл отсюда прежним. Он хотел, чтобы каждый, кто ступил на его улицы, стал частью его тишины.

Ковригин сжал кулаки. Он знал: нельзя сидеть и ждать. Нельзя позволить этому месту высасывать их по одному. Нужно было действовать. Но как бороться с тем, что стирает саму память о борьбе?

Он посмотрел на Ветрова, на измученное, постаревшее за эти полчаса лицо сержанта.

— Отдыхай, — сказал он. — И постарайся вспомнить. Даже если это будут только обрывки. В них может быть ключ.

А сам остался стоять у ворот, глядя на восток, где туман снова сгушался, скрывая улицы, дома, прошлое и будущее. Где-то там, в этой зоне тишины, исчез Пахомов. И где-то там ждал блокпост «Рубеж» — или то, что от него осталось.

Город шептал, но теперь Ковригин не хотел его слушать. Он знал: если поддаться этому шёпоту, он тоже станет одним из голосов, застрявших в проводах, в стенах, в самой тишине.

И он не собирался становиться эхом.

Глава 4. Тени против ветра

Смотровая башня цеплялась за небо ржавыми рёбрами каркаса — словно скелет древнего чудовища, забытого посреди руин. Ветер с севера гнал по улицам серую пыль, выл в проломах стен, рвал ткань реальности на лоскуты. Но тени от разрушенных зданий ползли на юг — против потока, будто у них была своя воля, своя цель, чуждая законам физики.

Дневальный рядовой Семёнов сидел на вышке, прижимая к груди планшет, и смотрел на этот противоестественный танец теней. Его пальцы дрожали, но он заставлял себя быть собранным — ведь устав не прощает слабости, а здесь слабость могла стоить жизни. Он записал в журнал наблюдений: *«14:17. Отмечено аномальное движение теней: направление — юг, вопреки направлению ветра (север). Предположительно — оптическая иллюзия либо искажение из-за атмосферных явлений. Состояние — удовлетворительное, списываю на усталость»*.

Он поставил жирную точку и на секунду прикрыл глаза. Всего на секунду. Но когда открыл их, мир будто сдвинулся на полшага в сторону. Тени стали гуще, плотнее, будто из них выжали воздух, оставив одну чистую тьму. Они не просто ползли — они тянулись, вытягивали длинные, изогнутые пальцы к башне, к нему, к его живой, тёплой, слишком уязвимой плоти.

Семёнов сглотнул, чувствуя, как по спине бежит ледяная капля пота. Он снова посмотрел на планшет, будто тот мог вернуть ему ощущение нормальности. Но цифры и буквы вдруг показались чужими, бессмысленными, как слова на забытом языке.

— Эй, вышка! — раздался из рации голос дежурного. — Как обстановка?

— Всё в порядке, — прохрипел Семёнов, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Просто... ветер сильный.

— Принято. Держи сектор.

Рация щёлкнула и замолчала. И в этой тишине тень у подножия башни шевельнулась. Не от порыва ветра — а сама по себе. Она поднялась от земли, словно густая смола, и начала вытягиваться вверх, к лестнице, к люку, к нему.

Семёнов отшатнулся, прижимаясь спиной к стальной стене. Его пальцы судорожно сжимали автомат, но он не стрелял. Потому что стрелять в тень — значит признать, что она реальна. А если она реальна, значит, этот город действительно жив. И он охотится.

Он снова закрыл глаза. Просто чтобы на мгновение перестать видеть. Но в темноте под веками тени стали ещё ярче — чёрные силуэты с искажёнными лицами, шепчущие его имя, смеющиеся беззвучно.

Когда он открыл глаза, тень была уже у люка. Она не имела формы — то ли человек, то ли зверь, то ли просто сгусток мрака, принявший очертания того, чего ты боишься больше всего. Она замерла на пороге, будто изучая его, пробуя на вкус его страх.

И тогда Семёнов закричал.

Но крик не успел вырваться наружу — его поглотила тишина, плотная и вязкая, как смола. А тень наклонила голову, словно прислушиваясь к чему-то, недоступному человеческому уху.

Потом она исчезла. Растворилась в воздухе, будто её и не было. Только на полу остался тёмный след — будто кто-то пролил чернила, и они впитались в металл.

Семёнов сполз по стене, тяжело дыша, и уткнулся лбом в колени. Его трясло. Но он держался. Он должен был держаться. Потому что он — дневальный. Он — пост. Он — граница между этим городом и теми, кто ещё верил, что можно выжить.

Утро встретило гарнизон серым, промозглым рассветом. Лейтенант Ковригин поднялся на смотровую башню, чувствуя, как холод пробирается под бронежилет, цепляясь за рёбра ледяными пальцами. Он знал: смена должна была смениться ещё час назад. Но Семёнов не отвечал на вызовы. Рация молчала, как и всё в этом проклятом городе.

Ковригин распахнул люк и замер.

Семёнов сидел у стены, прямой, неподвижный, будто высеченный из камня. Его автомат лежал рядом, затвор открыт — словно он пытался перезарядить его, но рука застыла на полпути. Лицо было спокойным, почти умиротворённым. Только одно выбивалось из этой картины: он не моргал.

Его глаза были открыты, зрачки расширены, радужка казалась почти чёрной, будто в них впиталась сама тьма этого города. Он смотрел прямо перед собой, но не видел ничего. Или видел слишком многое.

— Семёнов, — тихо позвал Ковригин, делая шаг вперёд. — Рядовой, доклад.

Никакой реакции. Ни дрожи век, ни вздоха, ни намёка на то, что внутри ещё теплится жизнь. Только эта пугающая, неестественная неподвижность.

Ковригин опустился на корточки, всматриваясь в лицо бойца. Он искал хоть намёк на сознание — хоть искру, хоть тень мысли. Но в глазах Семёнова не было ничего, кроме бесконечной, бездонной тишины.

— Что с тобой произошло? — прошептал лейтенант, будто надеясь, что тихий голос сможет пробиться сквозь эту ледяную броню.

И вдруг Семёнов повернул голову. Медленно, с металлическим скрипом, будто суставы заржавели за эти несколько часов. Его губы шевельнулись, и из горла вырвался звук — не слова, а шёпот, сотканный из чужих голосов, из эха тысяч утраченных жизней.

— Они идут... — прохрипел он, и его голос звучал так, будто говорил не он, а кто-то внутри него, кто давно умер. — Тени... они больше не ждут. Они пришли.

Ковригин отпрянул, его пальцы инстинктивно потянулись к кобуре. Но он не выстрелил. Не мог. Перед ним был не враг. Перед ним был солдат. Его солдат. Тот, кто держал пост, пока тьма не забрала его разум.

— Кто идёт? — спросил Ковригин, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё кричало. — Что ты видишь?

Семёнов снова уставился прямо перед собой, его взгляд стал пустым, отрешённым. Он больше не моргал. Казалось, он забыл, как это делать.

— Тени... — повторил он, и на этот раз его голос был тихим, почти детским. — Они ползут... против ветра... Они хотят войти...

Ковригин медленно поднялся, чувствуя, как холод сковывает не только тело, но и мысли. Он посмотрел вниз, на двор части, где бойцы занимались утренним построением, проверяли оружие, пытались жить обычной жизнью. Они ещё не знали. Ещё верили, что это просто аномалия, просто сбой, просто усталость.

Но Ковригин знал правду. Город больше не играл. Он перешёл в наступление.

Он спустился с башни, не отрывая взгляда от Семёнова, который так и остался сидеть у стены — прямой, неподвижный, не моргающий. Его уже нельзя было вернуть. Он стал частью этого места.

У подножия башни Ковригин остановился и поднял голову. Тени от руин действительно ползли на юг — против ветра, против логики, против всего, что он знал о мире. Они тянулись к части, к бойцам, к их душам, пытаясь проникнуть внутрь, растворить волю, стереть память, превратить людей в такие же пустые оболочки, как Семёнов.

Лейтенант сжал кулаки. Его взгляд стал твёрдым, почти жестоким.

— Поднять всех по тревоге! — рявкнул он, и голос его прозвучал как удар хлыста. — Перекрыть все входы. Усилить патрули. И никому не смотреть в тени!

Бойцы замерли на мгновение, потом бросились выполнять приказ. В их глазах читался страх, но в нём ещё была дисциплина. Ещё была надежда.

Ковригин снова посмотрел на башню. Семёнов всё так же сидел наверху, не моргая, не дыша, не существуя — и всё же оставаясь на посту. Как будто даже после того, как город забрал его разум, он продолжал выполнять свой долг.

«Прости», — мысленно прошептал Ковригин. — «Я не смог тебя уберечь».

Но он поклялся, что больше никто не станет такой же жертвой. Этот город хотел тишины — он получит сопротивление. Хотел теней — он получит свет. Хотел безумия — он встретит стальной порядок.

Ветер снова взвыл, швыряя в лицо колючую пыль. Тени продолжали ползти против потока, будто бросая вызов самой природе. Но теперь Ковригин смотрел на них не с ужасом — а с холодной решимостью.

Мёртвый город проснулся. И теперь он узнал, что значит встретиться с теми, кто не собирается сдаваться.

Глава 5. Исповедь лейтенанта

В комнате, которую Ковригин теперь называл кабинетом, пахло ржавчиной, пылью и чем-то ещё — горьким, едким, будто само время здесь прогоркло. На столе лежал потрёпанный блокнот в жёсткой обложке — единственный документ, который, как верил Ковригин, не врёт в этом городе. Не искажает, не перевирает, не шепчет чужими голосами. Только его собственные слова, выведенные дрожащей рукой.

Он сел, откинул обложку и вывел дату: «14 сентября». Цифры легли на страницу, как якоря, удерживающие его в реальности. Он глубоко вдохнул, задержал воздух на мгновение, будто боялся, что вместе с выдохом из него вытечет последняя капля здравого смысла. И начал писать.

«Мы не первые здесь. До нас была рота капитана Логвинова. Они ушли в патруль 3 сентября. Вернулись 6-го. Все двадцать шесть человек. Все опознаны. Все мертвы уже неделю. Но они вернулись, и они разговаривали».

Ковригин замер, глядя на эти строки. Они казались абсурдными даже на бумаге, где абсурд должен был терять силу. Но он знал, что каждое слово — правда. Он видел их сам.

Они появились на рассвете, когда туман ещё цеплялся за руины, как больной за жизнь. Сначала послышался топот берцов по асфальту — чёткий, слаженный, как у обученного подразделения. Потом из мглы вышли фигуры в форме, с оружием, с уставной выправкой. Они шли, как шли всегда: уверенно, без суеты, будто ничего не изменилось.

И только когда они подошли ближе, стало ясно, что что-то не так. Их лица были слишком бледными, будто с них смыли все краски мира. Их движения — чуть замедленными, словно

они шли сквозь густую воду. А их глаза... в них не было жизни. Только холодная, мёртвая ясность.

Капитан Логвинов подошёл прямо к КПП, остановился перед часовым и спокойно произнёс:

— Рота вернулась из патруля. Доложите дежурному.

Часовой, молодой парень по фамилии Ильин, стоял, вцепившись пальцами в приклад автомата, и не мог вымолвить ни слова. Его взгляд метался между капитаном и сержантом, который стоял рядом и тоже не двигался, будто его пригвоздили к земле.

— Доложите, — повторил Логвинов, и в его голосе не было раздражения — только привычная требовательность командира, который ждёт исполнения приказа.

Ильин сглотнул, открыл рот, но вместо доклада из горла вырвался хриплый, сдавленный звук.

— Товарищ капитан... вы же... вы же погибли...

Логвинов чуть склонил голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего никто другой не слышал.

— Мы выполнили задачу, — сказал он ровно. — Мы вернулись. Это главное.

А потом они прошли через КПП, как будто имели на это полное право. И самое страшное было не в том, что они пришли. Самое страшное — в том, что никто не смог их остановить. Ни часовой, ни дежурный по части, ни сам Ковригин, который выбежал во двор, услышав крики.

Они разошлись по казармам, заняли свои места, проверили оружие, как делали каждую неделю. Они говорили, отдавали приказы, отвечали на вопросы. Их голоса звучали нормально. Их действия выглядели нормально. Только вот они были мертвы. И все, кто их знал, это видели.

К полудню рота Логвинова начала рассыпаться. Сначала пропал рядовой Климов — просто исчез, будто его стёрли из воздуха. Потом сержант Волков начал повторять одну и ту же фразу, глядя в пустоту: *«Мы не должны были возвращаться»*. А капитан Логвинов в какой-то момент замер посреди коридора, медленно повернул голову и посмотрел прямо на Ковригина — не как на подчинённого, не как на человека, а как на что-то, что мешает ему вспомнить что-то важное.

— Вы не понимаете, — прошептал он, и его голос вдруг стал чужим, будто говорил кто-то другой, прятаясь внутри него. — Город не отпускает. Он держит нас здесь. Он хочет, чтобы мы продолжали служить.

А потом он начал таять — не рассыпаться, не падать, а именно таять, как лёд под горячим ветром. Сначала исчезли пальцы, потом руки, потом лицо. Последним пропал его взгляд — тот самый, требовательный, командирский, который заставлял людей вставать в строй даже тогда, когда сил уже не было.

Когда всё закончилось, в коридоре осталась только тень на полу — и запах озона, будто здесь только что ударила молния.

Ковригин отложил ручку. Его пальцы побелели, стискивая корпус, словно он пытался удержать в себе ту сцену, не дать ей снова просочиться в реальность. Он посмотрел на дверь, ожидая, что она распахнётся, и на пороге появится кто-то из роты Логвинова — вежливый, спокойный, мёртвый.

Но дверь оставалась закрытой. Только ветер выл где-то за стенами, и тени скользили по полу, будто искали, к чему прицепиться.

Он снова взял ручку и дописал:

«Я не знаю, что это за место. Не знаю, как оно работает. Но я знаю одно: оно питается памятью. Оно берёт то, что мы помним о погибших, и делает из этого своих солдат. Оно

заставляет нас сомневаться в том, что реально, а что — нет. И если я позволю себе забыть, кто я и что я здесь делаю, оно победит».

Он захлопнул блокнот и прижал его к груди, как щит. Потом встал, подошёл к окну и посмотрел на город. Руины тянулись до самого горизонта, серые, безжизненные, но живые — живые той странной, искажённой жизнью, которая не нуждалась в воздухе и крови.

Где-то там, в этих улицах, пряталась правда. Или хотя бы способ выжить. Ковригин не знал, хватит ли у него сил её найти. Но он знал, что не имеет права остановиться.

Он вернулся к столу, достал карту и разложил её перед собой. Его палец скользнул по линии, ведущей к центру города — туда, где, по слухам, раньше располагался исследовательский комплекс. Там могли быть документы, записи, хоть что-то, что объяснило бы, почему этот город не хочет отпускать своих мертвецов.

— Я пойду туда, — прошептал он, будто проверяя, как звучит эта мысль вслух. — Один. Если я не вернусь... пусть этот блокнот останется. Пусть кто-нибудь знает правду.

Он закрыл карту, застегнул бронежилет, проверил оружие. В дверях он остановился и оглянулся на стол, на блокнот, лежащий там, как единственное свидетельство того, что он был здесь и пытался бороться.

Город снова вздохнул, и этот вздох прозвучал как предупреждение. Но Ковригин уже не вздрагивал от таких звуков. Он научился слышать в них не угрозу, а вызов.

— Пусть приходит, — пробормотал он, открывая дверь. — Я готов.

И шагнул в коридор, где тени были гуще, а тишина — тяжелее, чем свинец. Он знал: каждый шаг теперь — это не просто движение вперёд. Это борьба за то, чтобы остаться собой. Чтобы не стать эхом чьего-то прошлого. Чтобы не превратиться в тень, которая ползёт против ветра и шепчет чужие приказы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.